

ГЕННАДИЙ ПРАШКЕВИЧ

ПЕНСЕРЫ И ПЕНСЫ

Часть сборника: Русская фантастика – 2017. Том 2 (сборник)

Геннадий Прашкевич

Пенсеры и пенсы

«ЭКСМО»

2017

Прашкевич Г. М.

Пенсеры и пенсы / Г. М. Прашкевич — «Эксмо», 2017

«Раньше я не работал с пенсерами. Помогал, да. Но пенсерам многие помогают. Все мы из океана. Все мы родственники – по предкам. Все одной крови, что там ни говори. В штампах (и в штаммах) есть свой смысл. Все мы – сородичи и современники, но время течет, время уходит, ты стареешь, преступая, наконец, некую границу. Тебе девяносто. Тебе, наконец, сто. Почему нет? Тебе сто пять. Цифры скачут как сумасшедшие. Шумные цивилизационные центры утомляют...»

© Прашкевич Г. М., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

С «тетками»	5
Живая вода	10
Алмазная незабудка	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Геннадий Прашкевич

Пенсеры и пенсы

С «тетками»

7 октября 2413 года.

19.10. На реке Голын безоблачно.

1

Раньше я не работал с пенсерами.

Помогал, да. Но пенсерам многие помогают.

Все мы из океана. Все мы родственники – по предкам. Все одной крови, что там ни говори. В штампах (и в штаммах) есть свой смысл. Все мы – сородичи и современники, но время течет, время уходит, ты стареешь, преступая, наконец, некую границу. Тебе девяносто. Тебе, наконец, сто. Почему нет? Тебе сто пять. Цифры скачут как сумасшедшие. Шумные цивилизационные центры утомляют. Смеющиеся молодые лица утомляют. «Отправляйся-ка, парень, отправляйся на поиски новых мест». Старинная песенка стала гимном свободных пенсеров, знаменитое полотно «Снежная буря на горе Бумза» превратилось в символ движения. Некий Счастливчик (по крайней мере, его знают под этим прозвищем) в возрасте ста девятнадцати лет покорил западное ребро горы Бумза, столь же величественное, сколь неприступное. Ледяная стена, грозные трещины, осыпающиеся снежные карнизы – Счастливчик покорил именно западное ребро.

Никакой гарантии на возвращение?

Нет, нет, пенс вернется! Не может не вернуться.

Бибай. Звучные монгольские словечки в большой моде на реке Голын.

Пенс по прозвищу Счастливчик непременно вернется – опять в Дин-ли, центр пенсеров. Прищуренные глаза сияют, как ледяная кромка хребта на восходе. У такого крутого пенса много приятелей. Они ждут его. Все вместе они будут сидеть за столиком тихой набережной, пить травный чай, наслаждаться заразными монгольскими танцами, а Счастливчик расскажет о снежной буре.

О великое, облачное искусство! С него все начинается, им все заканчивается.

О великая, великая игра! С нее все начинается, ею все заканчивается.

Конечно, не всякий пенсер – пенс, зато все пенсы пенсеры. Если отвлечься от привычной бытовой фразеологии, пенс – это тоже пенсер, но, как говорят, с шилом в одном месте. На фоне крутящейся снежной воронки, втягивающей в себя все сущее, Счастливчик смотрит как надо. Щеки в инее, ледоруб в руке.

Не думайте о ледяной стене, пенс вернется.

2

В Отделе этики не говорят, с кем ты будешь работать.

А вот где работать, это известно. В Дин-ли, в центре пенсеров.

Остальное «тетки» подскажут. Им виднее. Единая мировая система всеобщей информации (камеры Т, в просторечье – «тетки») укажет, подскажет, прояснит, наведет на правильную мысль, прочертит возможные пути подхода к проблеме. А главное, «тетки» ни на минуту

не позволят забыть о том, что, достигнув счастливого возраста (девяносто лет), пенсеры отбывают в выбранные ими края вовсе не для того, чтобы длить надоевший им образ жизни. Нет, нет. С них хватит. Они вам все отдали, молодые челы! Ваши сумасшедшие города – в прошлом. Хотите знать, как мы чувствуем себя вдаль от вас, от детей и внуков? Да хорошо чувствуем. И устраивались мы на реке Голын, на дальних островах, в бывшей тундре не для того, чтобы снова и снова обсуждать давно надоевшие нам проблемы. Еще раз, с нас хватит. Мы навсегда освободили себя от суеты, а вас от лишних забот. Мы теперь не вмешиваемся в дела молодых челов. Мы теперь полны своими собственными страхами, собственными комплексами, у нас свои интересы, запах, еда, это все – наше. В Дин-ли нет никого, кто был бы моложе пограничного возраста. Девяносто лет – наш «молодняк». Это кандидаты в пенсеры. Сколько вам лет? А вам? Тридцать пять! Вот видите. Слишком долго тянулись времена, когда о пенсерах говорили в основном как об отработанном материале. Да, отработанный материал, да, беспомощная биомасса, нуждающаяся в постоянном внимании. Старики – разве не вечный тормоз прогресса? В эпоху непрерывных войн и общественных взрывов, во времена, предшествовавшие Климатическому удару, видимо, приходилось так думать. В конце концов, это не мы, это природа придумала постоянную смену живого.

Но пенсеры сумели организовать.

Они не ушли из мира, они просто отделились.

Они просто сменили направление своих мыслей. Они перестали постоянно суетиться, жить в суете, думать о суете, они живут в своем мире, повинуются своим желаниям. Они, наконец, получили возможность жить так, как им хочется, и не мешать тем, от кого зависели.

3

На реке Голын безоблачно.

4

В Отделе этики мне сказали: летишь в Дин-ли, остальное «тетки» подскажут.

И еще сказали: ты, Лунин, не нервничай. В Дин-ли не надо нервничать, там этого не любят. Отбрось привычные представления о старых немощных людях, не бросайся уступать место каждому встречному, в Дин-ли это может показаться бестактным. Не выказывай чрезмерного уважения к тому, кто выглядит значительно старше (там, в Дин-ли, все старше), это может обидеть твоего визави. Не считай, что с любым делом ты справишься быстрее и лучше любого морщинистого и седого пенсера только потому, что тебе тридцать пять, торпливость может выставить тебя в смешном виде.

И еще раз особенно подчеркнули: ты летишь в центр пенсеров.

Это за условным полярным кругом, если смотреть на карту.

Климатический удар изменил историю человечества.

В последние пятьсот лет глобальное потепление выровняло береговую линию океанов, часть земель затопило, часть превратило в цветущие зоны. Такие понятия, как полярный круг и высокие широты, заполнились другим смыслом. Можно сказать, они заполнились прекрасным шумом листвы, порывами теплых ветров с реки и с моря, птичьим щебетом.

Ты в игре, сказали мне в Отделе этики.

Сойдешь с планера, поселись в гостинице «Голын».

И вообще, относись к делу с юмором, Лунин. Помнишь кависта Соловьева. Так случилось, что он вернулся с задания только через семь лет, – без правой ноги, зато с чрезвычайно качественным отчетом. Потерянная нога захоронена где-то на берегу Байкала, это не мешает Соловьеву жить полной жизнью. Бери с него пример, Лунин. У кависта Соловьева

с чувством юмора все обстоит правильно. Одной ногой я уже *там*, любит повторять он. По крайней мере, на эти его слова часто ссылается пенсер Ида Калинина, с детства мечтающая о дружественной прочной связи с иным миром.

У меня были и свои причины для поездки в Дин-ли.

Впрочем, мои личные причины Отдела этики не касались.

Придет время, я представлю подробный отчет, этого достаточно.

Пенсеры тоже полны страстей, дело не в скорости протекания биологических процессов. Жизнь пенсера – большая река, излившаяся на равнину. Сплошные долгие тихие плесы, но там заметен водоворот, и там, и вон там еще. Что мы знаем о глубинных течениях? Конечно, многие пенсеры любят Реальные кварталы, неторопливые суждения о жизни и смерти, классический стиль в живописи, облачное искусство. Зато для пенсов, которые с шилом в одном месте, все искусство – заоблачное. Пенс с шилом в одном месте и в сто, и в сто десять лет готов подниматься на ледяные пики Крыши мира, прыгать с парашютом в безжизненную раскаленную пустыню. О, эти затяжные прыжки! Свободное падение – всегда круто, на него не каждый молодой чел способен. Тут, правда, надо помнить, что любому молодому челу всегда есть что терять, а, скажем, на сто одиннадцатом году уровень беспокойства в человеке резко снижается.

Это понятно, основные задачи выполнены. Теперь ты – пенсер. Играй!

Отдел этики строго следит за тем, чтобы никто, как писали давние классики, не ушел обиженным.

5

Об этом я думал на борту планера.

Три часа ровного успокаивающего полета.

Индивидуальные соты были закрыты, только соседки в правом ряду презрели правила. Они подняли цветные колпаки над своими креслами. Они кудахтали как куры. Они не обращали на меня никакого внимания.

Не обращали – да, но все замечали.

Вон, замечали, молодой чел летит в Дин-ли.

«У него, наверное, нет выбора», – смеялась одна.

«Какой выбор среди сверстников», – смеялась другая.

Подведенные морщины говорили не столько о возрасте, сколько об отношении к возрасту. Бибай, кудахтали они. Вон рядом летит молодой чел. Это я так для себя переводил их ужимки и жесты. Наверное, в Дин-ли у молодого чела есть взрослые близкие, перевалившие критический возраст. Мои спутницы (оранжевые волосы и синие) были уверены в том, что я лечу в Дин-ли надоедать близким. Подчеркнутые специальным карандашом морщины нисколько их не смущали. «А воду найдут обязательно», – утверждала оранжевая. Синяя клохтала в ответ: «Ну, найдут, нам-то что?»

Воду? Какую воду?

Ах да. До меня наконец дошло («тетки»), что они говорят о живой воде.

Невероятные слухи быстро распространяются, впрочем, мои спутницы скоро перешли на Счастливчика.

«Счастливчик – придурок...»

«Зато он поставил Одиссея...»

«А все равно разговаривает с сиренами...»

Почему-то последнее больше всего их веселило.

Они, к слову, вспомнили какого-то Щербака. Видимо, еще один пенс, из тех – с шилом. Называли они Щербака ласково – Тарвоган, друг сердешный. Но он их достал. Он их здорово

достал. Он поступил совсем не так, как они ждали, а ведь Тарвогану уже сто семь. Он не должен был подводить синюю и оранжевую. По некоторым их словам я очень скоро составил портрет друга сердешного. Этот Тарвоган, он маленький, как летучая мышь, и боится флирта, как кислотного дождя. Но он клялся моим спутницам, он обещал полететь с ними в Дин-ли, обещал подпереть их своими хилыми плечиками. И вот обманул. Такую синюю и такую оранжевую каждый может обидеть. Друг сердешный предпочел моим нынешним спутницам подземелья пещеры Карр, они называли их Пропастью. В ней, в Пропasti, он и пропадет, кудахтала оранжевая. Под рев подземных водопадов, вторила синяя. Тарвоган, друг сердешный, обломал им весь кайф. Теперь глазастые, как совы, с округлыми румяными лицами, густо разрисованными стильными морщинами, они перебрасывались фразами, не всегда мне понятными.

«Зачем спускаться в Пропасть, если есть река...»

«Если сейф заполнен, его вполне можно обсолодить...»

«Он пожалеет, увидишь...»

И все такое прочее.

Мои спутницы прекрасно знали, что я далеко не все понимаю в их разговоре, поэтому старались произносить каждое слово внятно. Дразнили меня, играли. А подземным похождениям Тарвогана, друга сердешного, противопоставляли надежность известного всем Счастливчика. Тарвоган – придурок, с этим никто не спорит, но лучше бы он отправился с ними в Дин-ли. Лучше бы он брал пример со Счастливчика.

«Мы научили бы его курить и носить шляпу».

Синяя удивилась: «Зачем ему под землей шляпа?»

Оранжевая отмахнулась: «Я говорю о жизни в Дин-ли».

В общем, они осудили неверного Тарвогана. Пусть, глупый, укрывается под земными пластами. Пока он там укрывается, Счастливчик поставил «Одиссея». Он поставил «Одиссея» для всех. Ко всему прочему, это последнее выступление Счастливчика. Так что будем счастливыми, это здорово все упрощает.

По ассоциации я вспомнил Алмазную Незабудку.

«Будь счастливым, это здорово все упрощает».

Так сказала она мне пять лет назад.

От разрывов женщины и мужчины не спасает живая вода.

Я, конечно, обещал Незабудке: «Непременно буду», и все-таки...

Впрочем, куры с подведенными стильными морщинами ничего о моих переживаниях не знали и знать не могли, поэтому, наверное, перешли на ягоду, которую им доставят из тундры в ресторан «Голын».

Они прекрасно знали, куда летят.

Они то смеялись, то переходили на шепот.

«Мучают ли вас эротические сны? – спросил психиатр. Почему мучают? – удивился несколько обескураженный такими словами пациент».

Я примерно так перевел для себя негромкий шепот оранжевой.

Наверное, девяносто лет назад это казалось смешным. А сейчас мои спутницы просто летели в Дин-ли. Их ничто не мучило, разве что проступок друга сердешного, укрывшегося в Пропasti. Они торопились на последнее представление Счастливчика и прекрасно знали, что находятся под постоянной опекой «теток». Они знали, что «тетки» везде. Если ты нервничаешь – «тетки» тебя успокоят. Если ты торопишься, они стабилизируют игру. Если устал, прими душ, «тетки» снимут случайные рефлексии. «Тетки» – нервы мирового Облака.

Я с удовольствием прислушивался к веселому шепоту.

Раз эти куры так сильно хотят, значит, молодые челы найдут для них воду.

Каждый в этом мире должен выполнить свое предназначение. Бибай. Пусть молодые челы роют землю копытами. Мы – пенсеры, весело кудахтали синяя и оранжевая куры. Жизнь пенсера начинается после того, как тебе исполнилось девяносто. Ты работал, ты достиг многого. Тебе стукнуло девяносто, ты свободен.

«Все включено».

Игра делает свободным.

В Дин-ли своя музыка, своя мода, живопись, развлечения. Кухня в Дин-ли не китайская, не русская, не монгольская, она своя. Ты видишь настоящих живых драконов в вечернем небе над большой рекой Голын, и это действительно настоящие драконы. Ты видишь полярные миражи над рекой, и это настоящие миражи. Ты ведь не будешь утверждать, что шекспировские страсти не настоящие. А если будешь, значит, ты не пенсер. Игра дает чудесную возможность (при желании) заново пережить все когда-то тобой пережитое. Бывший гонщик проходит самые сложные трассы, не важно, что в его годы нервные реакции, скажем так, притуплены. Это ничего. Бибай. Мы в Облаке. Бывший океанолог спускается в такие бездны, о каких не мечтал в зрелые годы. Неукротимые пенсы, особенно те, которые с шилом, разыгрывают то, что не давалось им в двадцать пять. Игры неисчислимы. Игры необозримы и невероятны. Есть игры для тихих пенсеров. Есть игры для физически неполноценных, но выживших, прошедших полный апгрейд. Есть игры для придурков и кудахтающих кур, все одинаково заслуживают счастья.

Тебе стукнуло девяносто?

Радуйся, пой. «Все включено».

Какой бы ни была игра, она все равно выгодней былых Домов старости – унылых расадников старческих ссор и склок.

Игра – это не только чудесные облака над вечерним морем, рампа игровой площадки, веселые взгляды, смех, возгласы, это мера и вкус, рассчитанные интонации, понимание вечности. Руками игроков добываются исторические артефакты, уточняются детали давно ушедших событий. Камеры Т (в просторечье – «тетки») строго следят за тем, чтобы не нарушались правила. Мы свободны, мы ответственны. Второе – чрезвычайно важно. Мы живем для будущего, но сотканы, конечно, из событий прошлого. Пещерные рисунки, разливы больших рек, северные сияния, лед, пламя – все входит в игру. Долой состязание цивилизаций. Мы свободны. Мы созрели для удовольствий. Кто-то уединяется в горной обсерватории, кто-то торит новую тропу в снежной пустыне, кто-то в Реальных кварталах корпит над историческими документами, а кто-то проводит долгие теплые вечера за столиками чудесной набережной. На родине Одиссея, давно затонувшей в прошлом, никто не приносил в жертву Афине Палладе или Афродите свинью или быка, нет, всем им приносили белых голубей и белых козочек.

Пенсеры, как боги, питаются эмоциями.

Живая вода

7 октября 2413 года.

20.20. На реке Голын безоблачно.

1

В гостинице «Голын» было сумеречно.

Я не стал осматривать номер. Сразу отправился в ванную.

Человек вышел из воды, вода его стихия. Вода успокаивает. Вода дарит жизнь.

Я вырос на большой реке. Я наслаждался. Я подставлял плечи, спину под тугие струи, а потом открыл глаза и увидел летящие в лицо капли – каждую в отдельности. Они замерли, будто нарисованные, застыли в полете. Ну да, понял я, мы, молодые челы, живем стремительно. Мы живем энергично. Как огненные вулканы, как снежные метели и грозовые ливни.

Я моргнул, и капли снова слились воедино.

Наверное, это, включились местные «тетки».

И я увидел стены в мраморе нежных тонов, прихотливые голубые прожилки, мягкие обводы, никаких жестких углов. Мой номер, мой душ, моя площадь, хотя все эти определения выглядели бессмысленными.

Самым трудным для человека всегда было изжить идею собственности.

Ее и в прежние века не раз объявляли полностью изжитой, но она вновь и вновь возрождалась, прорастала из недр подсознания, как возрождается, прорастает чертополох на голом пепелище. Уходя в горы, собираясь в море, пенс, конечно, выбирает ледоруб по своей руке, подгоняет обувь, акваланг. Это все *твое*, исключительно *твое* – по физическим параметрам. Но, вернувшись, ты все равно сдаешь на базу и ледоруб, и обувь, и акваланг, ты снова свободен, «тетки» держат руку на твоём пульсе.

Слабеет память, путаются слова, мир бледнеет, смазывается, но душа человеческая не тускнеет. Цэвэр. Чудо чистое. Стресс и беспокойство – удел в основном молодых челов. Именно они находятся в плену перегрузок, а на пенсеров и пенсов день и ночь работает единая мировая система. «Тетки» – лучший способ стремительно и напрямую передавать энергию и информацию на всех уровнях.

Цэвэр гайхамшиг. Так бы, наверное, сказал Счастливчик.

Я удивился. Почему я все время возвращаюсь к Счастливчику?

Ну да, остался в памяти разговор оранжевой и синей. Друг сердешный в Пропasti... Счастливчик в Дин-ли... Последнее выступление... Наверное, Счастливчик и сейчас находится где-то неподалеку, может, на просторной набережной под окнами гостиницы. А до этого («тетка») он участвовал в каком-то неудачном переходе через выжженную пустыню по пути в Тибет.

Впрочем, почему неудачном? Ну да, потерял в пустыне двенадцать человек, но сам-то вернулся.

Его спросили: «Как вы могли потерять связь с мировым полем?»

Он ответил: «Это должны установить вы».

«Ваш переход – это игра с прошлым?»

«С прошлым не играют».

«Что вы имеете в виду?»

«Общую ситуацию».

2

Чудо чистое. Цэвэр гайхамшиг.

Я стоял у окна и прикидывал, куда мне отправиться.

Круглосуточный прогноз обещал полное безветрие в устье реки Голын.

Итак, куда? Я знал, что не ошибусь, выберу верное решение. Тот, кто злобно не посещает ванную («теток») в назначенные часы, нарушает главные Положения, а я их не нарушал. Отделу этики известен список всех нарушителей. Он невелик, но он существует. Без «теток» никак. В преклонном возрасте без них не добьешься желаемого. Чего хочет пенс, поднимающийся на Канченджангу? Разумеется, рассказать о мире, увиденном с ледяной вершины. Чего хочет пенс, пересекающий мертвую пустыню или спускающийся в мутные придонные течения Курильской впадины? Разумеется, рассказать о том, что увидел на самом дне.

За сверкающим ледяным гребнем... Среди черных курильщиков... В снежной мгле...

Только так. Ты – пенсер. Ты свободен. Тебе не нужно думать о здоровье, всего лишь вовремя посещай ванную. И если даже забудешь, пропустишь разок, ничего страшного, «тетки» подскажут. Танцуй «Розамунду», спорь, путешествуй, не пренебрегай гимнастикой и медитацией, ты всегда под контролем «теток».

Пенсеры – игроки. Пенсеры всегда заняты игрой.

Конечно, время от времени возникают неясные слухи о какой-то необычной, какой-то особенной игре, якобы вдруг выпадающей из-под контроля «теток», но это всего лишь слухи. Сотрудники Отдела этики хорошо это знают. Да и что значит *своя*? В конце концов, на определенном этапе любая игра пусть на какое-то мгновение, но выходит из-под контроля и самый неукротимый пенс остается наедине с дикой природой, как на знаменитом полотне, посвященном снежной буре на горе Бумза.

Чудовищная вертикальная стена...

Черные страшные изломы трещин...

Мертво рушащиеся снежные козырьки...

3

Лет семьдесят назад («тетки») исследователь Отдела этики Шеин («тетки») занимался аварией пассажирского планера «Ганг». Это случилось задолго до моего рождения. Огромный планер развалился где-то над пустыней Гоби. Такое случается. Цэвэр. Трупы пассажиров и экипажа оказались разбросанными на площади в добрый десяток километров, только Счастливчик уцелел. Никто не верил в такое спасение, но Счастливчик уцелел. Он сидел в авиационном кресле, намертво пристегнутый, лицо расцарапано, в крови, но не разбился, огонь обошел место его падения, он не сошел с ума, не искалечился. Цэвэр. Он должен был сгореть, сойти с ума, расплющиться при ударе о пески, но ничего такого не произошло. Счастливчика должно было размазать по камням, как желе, но он даже не выпал из кресла.

Удивительная, даже пугающая история.

Пенсерам такие истории никогда не нравились.

Еще бы. Дин-ли. Тихие уголки. Ты достиг своих девяноста лет.

Ты завершил свои житейские дела. А до этого – строил дальние орбитальные станции, изучал жизнь океанов, спасал, лечил людей, добывал металл и камень, развивал новые технологии. Не один год, даже не один десяток лет. А теперь ты перешел в пенсеры. Больше никаких проблем. «Все включено». Устраивайся на тихих солнечных островах или селись в Реальных кварталах, путешествуй. Игру выбирает большинство пенсеров. Это, в сущности,

объяснимо. Ты вырастил детей, ты помог обществу, значит, имеешь право заняться собой и тем, к чему тебя влекло всю жизнь. Сто лет – не катастрофа. Сто лет – всего лишь возраст игры.

Алмазная незабудка

7 октября 2413 года.

20.30. На реке Голын безоблачно.

1

Я шел по набережной.

Не искал особенных знаков.

Деревянные скамьи с мудрыми нужными изречениями, издалека заметные говорящие указатели. Запах свежего чая, зеленой листвы, цветов, ванили. В Дин-ли не спрашивают, сколько тебе лет. Если ты живешь в Дин-ли, по-любому выйдет – много. Но здесь торопиться некуда, ты все успеешь.

Ты – пенсер. Ты – подобный в подобном.

Высокая дама в шляпке, прихотливо построенной из белых чудесных перьев, издали кивнула мне, может, обозналась или просто удивилась молодому челу. Подведенные морщины и цветные тату пользовались в Дин-ли большим почетом, их не прятали. Бросались в глаза береты – вязаные и печатные, без этого никак. Тысячи веселых открытых улыбок. Вон человек-гриб ростом в сто шестьдесят, но смеющийся. Уже выцветшие, но уверенные глаза, наверное, когда-то голубые.

Чаще всего возраст пенсеров выдает походка.

«Тетки» справляются со многими трудностями, но не со всеми, природу не переспоришь. Я, например, узнал пенсера Борисова. Бибай. Этого уже в юности считали сумасшедшим, хотя какая юность у сумасшедших? Он испытывал мощные ракеты, работал на орбите, не раз горел, темные пятна ожогов на лице, на руках и сейчас бросались в глаза, но, скажем так, ничему не противоречили.

Похоже, я застал в Дин-ли пик моды на тату. Лучистые звезды, цветные луны во всех четвертях, прихотливые лилии, снежные перья, крылатые рыбы, перепончатокрылые драконы, птицы из волшебных снов.

На меня тоже обращали внимание.

Кивали, провожали насмешливыми взглядами.

Пожалуй, так обращали бы внимание на согбенного старика, затесавшегося вдруг на званый вечер, проводимый молодыми челами.

«Такому не нужна живая вода», – услышал я.

Оборачиваться не имело смысла. К тому же, в сухощавом франте, руки, шея и лицо которого было густо оплетены прихотливыми тату, я узнал знаменитого лингвиста Л., лет семьдесят назад построившего общую теорию языка. Вот с ним, наверное, было бы интересно пообщаться.

2

«Такому не нужна живая вода», – повторил кто-то.

Ну да. Зачем молодому челу живая вода? Когда тебе тридцать пять – на вечность смотришь без особенного интереса. Да и чужим я себя не чувствовал, несомненно, заслуга «теток». Впрочем, и пенсерам в Дин-ли кривые слабые ноги мешают не больше, чем отблеск фонарей на воде. Улыбки, покашливание, легкое придыхание. Большая река, долгие облака. Цветные и белые воротнички, легкие сандалии, туфли, шляпы, береты, снова тату. Пенсеры

ничего не хотели скрывать – были разрисованы, как маори. Я узнал в толпе престарелого художника Якова Рябова, акварели и масло которого известны многим, если не всем, даже у меня хранится несколько миниатюр. Яков Рябов всю жизнь писал тени. Кажется, он знает такие оттенки, для которых еще не придуманы названия. Гайхамшигтайгаар. По самому звучанию диговинного слова я понял («тетки») его значение. *Чудесно*. И произнесла это согбенная дама в элегантной широкополой шляпе чуть набекрень, с цветами.

Я вдруг понял, чего мне не хватало в Дин-ли.

Детей, конечно. Не было тут детей. Не знаю, с чем это можно сравнить.

Негромкие покашливания, шарканье ног, спокойные улыбки. Над рекой Голын безоблачно. И все же не спокойствие объединяло пенсеров. И не возраст, и не отсутствие детей, как бы это ни бросалось в глаза. Игра, – вот что свело пенсеров на набережной в Дин-ли. Они не хотели доживать последние годы в городских домах и квартирах. Они прожили долгие жизни, иногда скучные, иногда чрезвычайно яркие, теперь им хотелось только игры. Они не впали в детство, как иногда подшучивают, совсем нет, они просто хотели участвовать в чем-то достойном самого активного человека.

Климатический удар подвел черту под всей прошлой историей человечества.

Больше никаких войн. Теперь все – на людей. Каждый заплатил за удивительную старость своим удивительным прошлым. Они распрощались с Лондоном и с Венецией, с Голландией и с Данией. Не они лично, конечно, а их предки, как выразился бы археолог. Они навсегда распрощались с Прибалтикой, с Флоридой, с частью Аляски. Уцелевшие небоскребы Сан-Франциско украшают теперь длинный одноименный остров, огромные территории Китая и Индонезии ушли под воды Мирового океана, захватившего все, что он мог захватить. Астрахань, Санкт-Петербург, прибрежная полярная полоса, архипелаги Западной Сибири...

Но у пенсеров Дин-ли горели глаза.

Они были самодостаточны и свободны.

Они пришли на эту набережную, чтобы послушать и посмотреть еще один вариант «Одиссея», они ждали новой необычной музыки, новостей о живой воде. Без некоторой доли воображения никакой нормальной жизни вообще не существует. Не важно, что многие тут хромают и даже опираются на трости. «Тетки» с ними. Это придает уверенности.

«Быть мальчиком – вопрос пола, быть стариком – вопрос возраста».

Я засмеялся, но не стал оборачиваться. Все тут свои, я ничем не хотел выделяться.

О «тетки», дайте мне сил и терпения. Наделите меня выдержкой. Я о каждом увиденном хотел что-то знать. О «тетки», не позволяйте мне никого, совсем никого упустить из виду. Я подмигнул согбенной старушенции, небрежно распустившей по плечам седые красивые волосы. Она незамедлительно ответила, даже чуть-чуть подпрыгнула, показывая, какая она ловкая и быстрая, прямо не согбенная старушенция, а сжатая пружина!

И не важно, что все тут поглядывали на меня снисходительно.

3

Никто не спорит, весь мир – театр.

Никто не спорит, все женщины, мужчины – актеры.

Эти тезы уже несколько столетий ни у кого не вызывают сомнений.

Но пенсеры хотят не просто играть. Они хотят играть только самих себя. Они хотят играть то, чего не успели доиграть в прошлом.

С игры все начинается, игрой все кончается.

Я никогда не встречался со Счастливым, но, наверное, узнал бы его.

У него лицо, наверное, желтое, как текучий песок. Он наверняка из самых неукротимых пенсов. У него злые глаза. Впрочем, это все вздор. Я незаметно потянул носом, но не почувствовал никакого запаха.

Смеющиеся лица, стилизованные морщины, тату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.